

18+

МАСТЕРА УЖАСОВ

Том Диди
ХЭВЕН

Том Дэди Хэвен

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74322046
Хэвен. Роман: АСТ; Астрель-СПб; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-179604-4*

Аннотация

В 1961 году маленький городок Хэвен решил, что избавился от своего монстра. Тогда в городе убили несколько детей и на месте одного из убийств обнаружили местного жителя Пола Греймора, который нес на руках раненую девочку. Полиция сочла, что преступник найден, пусть все доказательства были косвенные, а после его заключения в тюрьму в городе наступил покой.

Спустя семнадцать лет, отсидев срок, Пол возвращается в Хэвен. Несмотря ни на что, он пытается доказать свою невиновность, но лишь некоторые ему верят, включая местного священника, мальчика по имени Денни и его лучшего друга Билли. Вот только убийства начинаются снова, дети (и не только они) опять исчезают. И теперь героям предстоит выяснить, кто же во всем виноват. А может, не кто, а что? Поиски приведут их к давней тайне Хэвена и столкнут с чем-то жутким и очень странным.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	14
3	21
4	26
5	32
6	38
7	41
8	44
9	48
10	56
11	62
12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Том Диди Хэвен *Роман*

**Tom Deady
Haven**

* * *

Copyright © 2016 by Tom Deady
© Ольга Лаврешина, перевод, 2026
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Посвящается Шеннон и Алисе

Часть 1

1

Ворота тюрьмы штата Брэкстон захлопнулись за спиной Пола Греймора, и впервые за почти семнадцать лет он оказался по другую их сторону. Он огляделся, слегка встревоженный непривычной открытостью пространства, и закурил сигарету. Глубоко затянувшись, он направился к парковке, постоянно вертя головой и впитывая окружающие виды, которые, как ему казалось, он больше никогда не увидит без препятствия в виде двенадцатифутовых стен. Он даже ждал, что тяжелая рука опустится на плечо, развернет и кто-то скажет, что произошла ошибка. Но он ни разу не оглянулся. Слишком долго он пробыл в этих проклятых стенах и не имел ни малейшего желания видеть их снова – ни снаружи, ни изнутри.

Он добрался до парковки и сразу заметил отца Нила Маккарти, который ожидал его. Старый священник выглядел как мираж – волны жара, поднимавшегося от асфальта, делали его фигуру призрачной и нереальной. В перегруженном новыми ощущениями сознании Пола мелькнул страх, что стоит ему моргнуть, и этот образ исчезнет. Он покачал головой, отгоняя странную мысль, и, улыбнувшись, быстрым ша-

гом направился к нему. Потушил сигарету о ботинок, протянул ладонь для рукопожатия, но передумал и обнял старого священника. Тот слегка похлопал Пола по спине, затем взял за плечи и отстранил на расстояние вытянутой руки. Оба не знали, что сказать, и замерли в молчании. Неловкая пауза затягивалась, пока Маккарти не нарушил тишину.

– Поехали, – это было лучшее, что он смог придумать.

Когда они уже сидели в машине и выезжали с парковки, Пол все-таки заговорил.

– Я действительно на свободе, – произнес он дрожащим голосом. Его глаза наполнились слезами, когда он посмотрел на священника. – Вы спасли мне жизнь, отец. Если бы не вы, я был бы мертв или получил пожизненное.

Священник продолжал вести машину, не отрывая взгляд от дороги. Наконец Маккарти сказал:

– Мы готовились к этому дню очень долго, Пол. Теперь пришло время двигаться вперед, начать все заново. С этого момента мы не будем обсуждать прошлое. Это дорога в никуда.

Пол замолчал, погружившись в мысли. Он опустил козырек, чтобы укрыться от солнца, и нахмурился, увидев в зеркальце собственное отражение. Его пальцы невольно провели по глубоким шрамам на лице, а сознание свернуло на знакомую тропу. Тропу, по которой он часто бродил, задаваясь вопросом, какой могла бы стать его жизнь, если бы не тот несчастный случай, так сильно его изуродовавший.

Малышом Пол потянулся за ручкой кастрюли, стоявшей на плите. Его мать была всего в нескольких шагах, но этого оказалось достаточно. В кастрюле кипела вода, и мать не успела остановить Пола. Вода обварила его лицо, чудом не задев глаза. Когда врачи сделали все, что могли, его лицо стало похоже на оплавившую свечу. Зловещие белые долины шрамов, окруженные валами красной кожи, сделали его изгоем. Лишь годы спустя Пол увидит свое подобие в фильме под названием «Кошмар на улице Вязов».

Воспоминания – еще один путь, ведущий в тупик. Он сердито откинул козырек назад, предпочитая ослепляющее солнце собственному отражению и вызванным им воспоминаниям, и проигнорировал понимающий взгляд отца Маккарти. Мысли отхлынули, когда он увидел знак съезда на шоссе 95 Юг. На знаке было написано: «Хэвен – 70 миль».

«Я еду домой», – подумал он.

Следующий час они ехали и разговаривали, и с каждой милей беседа становилась все более непринужденной. Когда Маккарти съехал с шоссе и повернул на восток, Пол заерзал на сиденье. *Может, это ошибка?*

Отец Маккарти, казалось, почувствовал его напряжение.

– Все будет хорошо, Пол.

– Я возвращаюсь в город, где многие до сих пор считают, что это я убил их детей. Не уверен, что это хорошая идея.

– Мы уже обсуждали это, Пол. Хэвен – твой дом. У тебя там есть друзья.

Эти слова никак не смягчили нарастающий страх, что он направляется прямиком к беде. Знак въезда в Хэвен промелькнул за окном.

– Отец, я бы хотел помнить о том дне хоть что-то...

– Возможно, возвращение домой поможет тебе вспомнить. Давай заправимся, а потом я покажу, что изменилось, а что осталось прежним.

Отец Маккарти подъехал к заправке.

– Я пойду расплачусь, если ты не против заправить машину, – сказал он, выходя из автомобиля.

– Конечно, без проблем.

Едва Пол открыл дверь, его окатила волна горячего воздуха. После прохлады кондиционера в машине он почти забыл, насколько здесь жарко. Пол постоял рядом с автомобилем, потягиваясь; было приятно разогнать кровь в одеревеневших от холода мышцах. Шестнадцать с лишним лет заключения превратили его некогда худощавое тело в сгусток рельефных мускулов. Он задумался, хватит ли у него силы воли продолжать изматывающие тренировки.

Пол увидел, как худая фигура священника прошмыгнула мимо компании подростков, толпившихся у автомата с колой. Священник кивнул им в знак приветствия, и один из парней что-то ответил, вызвав смех у остальных. Священник замер на мгновение, потом покачал головой и направился внутрь, чтобы расплатиться. «Отморозки», – подумал Пол, обходя машину и изучая инструкцию на колонке. Иг-

норируя знаки «Курение запрещено», он прикурил сигарету, вставил пистолет в бак и включил насос. «Это последняя», – пообещал он себе, вспомнив клятву бросить курить, если когда-нибудь выйдет на свободу.

Пока он следил за бегущими цифрами на табло, рядом скользнула тень. Он обернулся, ожидая увидеть возвращающегося отца Маккарти. Вместо этого перед глазами появились пять дюймов холодной стали.

Хулиганы подошли к нему сзади и встали, растянувшись полукругом. Когда они разглядели Пола получше, выражения их лиц изменились. Он привык к такой реакции, но эти парни даже не пытались скрыть отвращения, с ужасом глядя на изуродованное лицо. Предводитель с ножом, похоже, быстрее всех пришел в себя и, небрежно облокотившись на машину, заговорил первым.

– Раз ты путешествуешь с отцом, значит, ты – мамаша? – спросил он, притворяясь, что испытывает искреннее любопытство.

«Снаружи все то же самое, что и внутри», – мелькнуло у Пола в голове. Двое других хихикнули, оценив остроумие жоака. Не отводя взгляда, Пол продолжал молча смотреть на парня с ножом. Тот был всего лишь мальчишкой лет пятнадцати-шестнадцати, не больше. Под давлением этого тяжелого внимательного взгляда насмешливая ухмылка медленно сползла с его лица, сменившись зловещим выражением.

– Тебе что, не смешно, мамаша? – ожидаемо захихикали его приятели.

– Что это такое? – раздался голос священника, который возник за спиной вооруженного хулигана. – Немедленно убери нож, пока никто не пострадал!

Тот, что стоял рядом с главарем, повернулся к священнику. Он был крупным парнем и не раз использовал это преимущество для запугивания. Он сделал угрожающий шаг вперед, и отец Маккарти, больше удивленный, чем испуганный, отступил, наткнувшись на заправочную колонку.

– Заткнись нахрен. С кем, черт возьми, ты, по-твоему, разговариваешь – со своим дружком-уродом, да, святой отец?

Последние слова он буквально выплюнул, забрызгав священника слюной. Это, казалось, шокировало святого отца даже больше, чем физическая угроза, и он дрожащей рукой вытер лицо.

Вид унижения друга и эти слова заразили Пола смертельной яростью. Он вздрогнул, несмотря на удушающую жару, и весь его мир сузился до этого парня. Прежде чем могло последовать новое оскорбление или насилие, Пол одним движением перехватил запястье того, кто держал нож, и выкрутил его. Лезвие звякнуло об асфальт. Другой рукой он рванул заправочный пистолет и ударил парня по лицу, рассекая щеку и забрызгав глаза горячим. Тот неуклюже отлетел к машине. Кровь хлестала из зияющей раны, и щека уже начала

опухать – скула была сломана так же аккуратно, как рассечена кожа.

Свободной рукой хулиган яростно тер глаза, пытаясь избавиться от бензина. Пол бросил пистолет, который с грохотом упал рядом с ножом. Он вынул сигарету изо рта и поднес ее тлеющий конец к лицу парня. Дымок поплыл прямо под носом подростка, и тот замер, прекратив борьбу.

– Нет, прошу, чувак, нет... – все, что он смог пробормотать.

Но Пол его не слышал. *Урод.* Это слово эхом отдавалось в его голове, резонируя в каждом нерве. Он приблизил тлеющий кончик сигареты к пропитанному бензином лицу отморозка. Часть сознания понимала, что пары горючего воспламеняются легче, чем жидкость, но эта часть была погребена под кроваво-красным океаном ярости. Тот, что запугивал отца Маккарти, бросил взгляд на нож и тут же посмотрел на Пола. Пол лишь покачал головой, и парень внезапно проявил крайний интерес к своим «тимберлендам».

– Убирайтесь, – спокойно сказал Пол. Когда ни один из хулиганов не двинулся с места, он крикнул: – Сейчас же!

Они развернулись и зашагали прочь, в сторону дороги. Пол повернулся к поверженному главарю. Тот сумел открыть глаза, но в них больше не было прежней дерзости и наглости – только страх. Тонкая нить контроля Пола над яростью оборвалась. Теперь он держал ситуацию в руках, но вместо облегчения его пожирала бешеная злоба.

– Хочешь узнать, каково это – выглядеть *так*?

Его рука затряслась и приблизилась к лицу парня. «Я на свободе меньше двух часов, а уже готов вернуться обратно». Пол взглянул на священника, чье лицо плыло в мареве бензиновых паров, и сразу понял, о чем тот думает.

Отец Маккарти проделывал эти семьдесят миль до Брэкстона раз в месяц почти семнадцать лет, ни разу не усомнившись в невиновности Пола – до этого момента. Именно сомнение в глазах старика заставило Пола раздавить сигарету пальцами. Хулиган съежился еще больше, прижимаясь к машине.

– Если я услышу, что вы доставили хоть малейшие неприятности моему другу или церкви, я найду вас. Передай это своим подружкам.

Парень нервно закивал, разбрызгивая капли крови в пропитанном бензином воздухе.

– Проваливай.

Хулиган, все еще прижимая руку к кровоточащей щеке, кое-как поднялся на ноги и поплелся к старому «мустангу», припаркованному у автомата с колой. Пол видел, что заправщик наблюдает за происходящим из остекленной будки.

– С вами все в порядке, отец? – спросил Пол, поднимая заправочный пистолет и нож. Он сложил лезвие и убрал его в карман.

Священник кивнул.

– Полагаю, это и есть то, что вы имели в виду, когда ска-

зали, что некоторые вещи остаются прежними.

– Не хочу расстраивать тебя еще сильнее, но, думаю, тот, кого ты ударил – Дейл Кроуфорд.

Пол на мгновение задержал взгляд на священнике.

– Полагаю, мне не нужно спрашивать, не родственник ли он моему доброму другу, офицеру Кроуфорду?

– Единственный сын. И теперь он начальник полиции Кроуфорд.

– Не знаю, с чего я вдруг решил, что сегодняшний день сложится иначе.

– Добро пожаловать домой, – с улыбкой сказал священник. И Пол не смог сдержать ответной улыбки, несмотря на охватившее его разъедающее чувство тревоги.

Весна пришла в Хэвен, штат Массачусетс, и, похоже, сезон обещал быть по-настоящему адским. Календарь утверждал, что на дворе первое мая, но термометр настаивал на середине августа. Уже третий день подряд температура зашкаливала за девяносто градусов¹, что, по ликующим отчетам местных синоптиков, официально считалось аномальной жарой. Всего две недели назад по всему городу еще лежали грязные сугробы, оставшиеся после печально известной метели семьдесят восьмого, но теперь это казалось таким же далеким воспоминанием, как и прошлогодняя Мировая серия. Таким же далеким и незначительным это выдилось Деннису О'Брайену. Он ненавидел зиму, и ее вторжение в весну было для него не менее болезненно, чем победа «Янкис».

Денни оторвался от учебника истории для седьмого класса, когда старый желтый школьный автобус, дребезжа, съехал с асфальта на грунтовую дорогу, ведущую к его дому. Денни обычно пользовался тем, что он последний пассажир, и начинал делать уроки заранее, но спертый жаркий воздух в автобусе мешал сосредоточиться. «А может, это из-за головной боли после подлого удара Дейла Кроуфорда», – подумал он и рассеянно потер висок, вспомнив рекламу Чарльза Ат-

¹ Примерно 32 градуса по Цельсию.

ласа, которую видел в комиксе. Он устал быть тем парнем, которому кидают песок в лицо.

Колеса протестующе взвизгнули, когда автобус медленно пополз вверх по крутому холму, извергая облако синего дыма. Колеблющийся от зноя воздух резко контрастировал с только-только распускающейся листвой на деревьях вдоль дороги. Когда в поле зрения появился потрепанный дом в стиле кейп-код², Денни собрал учебники. Он поспешно вышел из автобуса, машинально попрощавшись с краснорожим водителем, которого все называли Коротышкой. Тот кивнул и что-то неразборчиво пробормотал сквозь сигару, наклоняясь, чтобы потянуть рычаг и закрыть дверь.

Денни перешел дорогу, пока автобус разворачивался на обочине, чтобы отправиться обратно в город. Едва автобус уехал, на Денни в приветствии обрушился его шестилетний черный лабрадор-ретривер по кличке Медведь, чуть не сбивший с ног. Этот ежедневный ритуал неизменно заставлял Денни улыбаться, как бы плохо ни сложился его день. С тех пор как он начал ездить на автобусе, Медведь всегда ждал его возвращения из школы, чтобы встретить слюнявыми поцелуями.

Оказавшись в доме, Денни швырнул учебники на сто-

² Дом в стиле кейп-код – это классический американский архитектурный стиль, для которого характерны компактная, симметричная и прямоугольная форма, крутая двускатная крыша (идеально подходящая для схода снега), центральная входная дверь с симметрично расположенными по обеим сторонам окнами, а также обычно один или полтора этажа.

лик в прихожей, непроизвольно взглянув на пятно над ним, где обои были менее выцветшими. Пятно имело отчетливую форму креста. Он прошел на кухню, где Дженис О'Брайен стоя чистила картошку. Она не удостоила сына даже взглядом, когда он вошел. Она была высокой женщиной, и из-за сброшенного за последние пару лет веса в ее фигуре прибавилось острых углов, а в ее некогда юном лице – еще более резких черт. Смерть имела обыкновение делать такое с людьми.

– Мам, я ненадолго к Билли и Медведя с собой возьму.

Она посмотрела на него так, словно видела впервые. Эта пустота во взгляде всегда пугала Денни. *А что, если она не узнает меня? Что, если она никогда уже не вспомнит?*

Затем ее взгляд прояснился.

– Хорошо, вернись к ужину, – откликнулась она и снова принялась чистить картошку, считая тему исчерпанной.

Денни быстро переоделся в шорты и футболку и вышел из дома. К тому времени, как он пройдет четверть мили до дома Каммингсов, Билли как раз должен вернуться с бейсбольной тренировки. Они с Билли были лучшими друзьями, сколько Денни себя помнил. Из них получилась отличная команда: Денни – умный и веселый, Билли – крепкий и уверенный. Они стали неразлучны.

Он неспешно зашагал по крутой дороге с Медведем, время от времени останавливаясь, чтобы дать псу все обнюхать. На полпути вниз по холму Денни подозревал Медведя и боль-

ше не отпускал. Впереди был дом миссис Ловелл.

Дорис Ловелл обожала кошек. Она подкармливала всех бездомных, которые встречались ей на пути, и те, конечно же, оставались навсегда. Дети называли ее «Женщина-Кошка». Никто толком не знал, сколько у нее кошек, но Денни предполагал, что около сотни. Других питомцев она не держала и жила одна после смерти мужа. Денни и раньше не особо жаловал кошек, но такое их количество у миссис Ловелл откровенно вызывало у него мурашки. Даже Медведь, казалось, чувствовал что-то неладное и предпочитал обходить дом стороной.

Как и ожидалось, несколько кошек бродили по двору, лежали растянувшись на подъездной дорожке, грелись на заборе – в общем, были повсюду. Медведь опустил хвост и утробно зарычал, но остался рядом с Денни. Проходя мимо, Денни слышал голос миссис Ловелл, но не разобрал слов. Он знал, что она разговаривает с кошками: он узнавал это по напевной интонации, словно она говорила с ребенком.

Следующее место, мимо которого они прошли, было старым домом Грейморов, многие годы пустовавшим, но от этого не менее жутким. Дом притаился в заросшем дворе, прячась от мира за выцветшими ставнями. Облупившаяся краска приобрела неузнаваемый оттенок, а с края крыши свисал водосточный желоб, готовый при первом же сильном порыве ветра рухнуть в густые кусты внизу. Денни ускорил шаг.

Он подошел к дому Билли и увидел, что подъездная до-

рожка пуста. *Черт, он еще не дома.* Мальчик поднялся по ступенькам и уже собрался постучать, как дверь распахнулась, едва не сбив его с крыльца.

– О, Денни! Ты до смерти меня напугал.

– Привет, Джули, – вот и все, что он сумел выдавить из себя, чувствуя, как жар разливается по щекам. Джули Каммингс была на три года старше Денни, но он все равно испытывал к ней всепоглощающую влюбленность, от которой подкашивались ноги. Она нравилась ему так, как он и объяснить не мог. Еще не так давно она тусовалась с Денни и Билли, дурачилась, играла в салки с фонариком или в прятки. В этом учебном году она стала общаться с другой компанией. Это было неизбежно, полагал Денни, но ему не хватало их регулярного общения. С тех пор как она «повзрослела», Денни всякий раз терял дар речи, когда она была рядом.

– Билли нет дома. Мама забрала его с тренировки и повезла стричься и по делам.

Как только она умолкла, на подъездную дорожку стремительно въехала машина, оставив за собой облако пыли, и резко затормозила.

Желудок Денни сжался в тугий узел, когда он увидел, как из-за руля «мустанга» выпрыгнул Дейл Кроуфорд и направился к ним.

– Ты какого хрена разговариваешь с моей девчонкой, О'Брайен? – Он навис над Денни, сжав кулаки по бокам. Дейл был крупным парнем – высоким и мускулистым. До

получения водительских прав ему оставался еще год, но это не мешало Дейлу терроризировать Хэвен за рулем «мустанга». Быть сыном начальника полиции – значит иметь привилегии. Его телосложение могло бы побудить большинство парней его возраста заняться спортом, но Дейл выбрал своим любимым видом спорта травлю других. На нем была черная футболка «Харлей» с обрезанными рукавами. Его мускулистые руки покрывали самодельные татуировки. Но именно окровавленная повязка на лице Дейла приковала взгляд Денни. Она была большой и свежей. Этой повязки точно не было, когда он отвесил Денни «дружеский» тумак в школе. Он сознательно заставил себя отвести взгляд, зная, что, если Дейл заметит, как он пялится, это его только взбесит.

Денни услышал низкое рычание Медведя и наконец отвел глаза, чтобы убедиться, что пес не собирается делать ничего, кроме как рычать. Уши собаки были прижаты, зубы оскалены, но она не сделала ни шага к Дейлу. Денни почувствовал и облегчение, и разочарование одновременно.

– Отстань от него, Дейл, он просто ищет Билли. Ты опять подрался? – в голосе Джули слышалось отвращение.

– Заткнись, Джули, не твое дело.

Денни хотелось быть старше, крупнее, сильнее и круче. Тогда бы он показал Дейлу, как нужно разговаривать с людьми, особенно с такими милыми, как Джули. Но он не был никем из вышеперечисленных.

– Передай Билли, что я заходил! – прокричал он, отсту-

пая. Джули улыбнулась и кивнула, прежде чем уйти. Пока Денни шел в гору, он слышал горячий спор между Дейлом и девушкой, и внутри него пылали гнев и унижение.

Отец Маккарти терпеливо ждал, когда засвистит чайник, и с надеждой поглядывал на закрытую дверь гостевой комнаты. После инцидента на заправке Пол погрузился в мрачное молчание. Вместо того чтобы сопровождать Пола по городу с риском угодить в новые неприятности, Маккарти отвез его в торговый центр «Либерти Три» в Дэнверсе, чтобы купить ему одежду и предметы первой необходимости для жизни на свободе. Он надеялся, что вид современного молла поднимет Полу настроение, но, казалось, эффект был обратным – это вогнало Греймора в еще большее уныние, возможно, напомнив о том, как много он упустил. Они вернулись в дом Маккарти, где почти молча поужинали, и вскоре Пол удалился в гостевую комнату.

Маккарти чувствовал, как его самого затягивает в бездну отчаяния Пола. Это был день, на который они оба возлагали большие надежды и которого ждали, но он был испорчен, стоило въехать в Хэвен. Священника грызли сомнения: возможно, возвращение в город было ошибкой. Может, Полу было бы лучше начать все заново. Построить новую жизнь, где никто не знает о его прошлом.

Маккарти приготовил чай и вышел с кружкой на небольшую веранду при кухне. Здесь, казалось, всегда дул легкий ветерок – небесный ветерок, можно сказать, – независимо от

того, насколько жарким и спертым был воздух.

Маккарти вспомнил первую встречу с Греймором почти семнадцать лет назад. Это произошло благодаря программе, предлагавшей заключенным индивидуальные религиозные консультации. Тюрьма Брэкстон сотрудничала с церквями всех конфессий в окрестности, чтобы способствовать «духовному росту» среди осужденных за жестокие преступления. В то время Маккарти служил в небольшом приходе в Пибоди и у него было свободное время. Он чувствовал необъяснимую тягу к этой программе, с силой, почти столь же мощной, как та, что привела его к сану священника. Какое-то время он не понимал, что им движет; работа была неблагоприятной, его окружали сплошь плохие люди, которые притворялись раскаявшимися, чтобы увеличить шансы на условно-досрочное освобождение. Или – для тех, кто постарше, – чтобы увеличить шансы не попасть в ад.

Затем в программу включили нового заключенного, и Маккарти нашел ответ. Этот мужчина, на деле совсем еще мальчик, был настолько потерянным, уязвимым... и по мере того, как Маккарти узнавал его как друга, становилось все яснее – он невиновен. Маккарти с нетерпением ждал еженедельных визитов, и даже когда другие заключенные отселились, а программа в итоге лишилась финансирования, он продолжал навещать его в свободное время.

Их дружба с годами крепла, и Маккарти посвятил время изучению дела, все больше убеждаясь в невинности

Греймора. Когда в Хэвене случилась трагедия с отцом Кригером и приходу потребовался новый священник, Маккарти использовал все свои связи, чтобы получить это назначение. Вскоре после этого, когда стало очевидно, что Греймор скоро выйдет на свободу, Маккарти осторожно предложил ему вернуться в Хэвен.

На первый взгляд Греймор пришел в ужас при первом же намеке на это, но Маккарти показалось (или он надеялся?), что в глазах Пола мелькнуло желание. Тоска по дому. Он не давил, но мягко подталкивал его, рассказывая о жизни в Хэвене, о том, как прекрасно озеро и как набожны прихожане. Постепенно Пол проникся этой идеей. В конце концов Хэвен стал единственной темой для разговоров. Маккарти был осторожен, не упоминая о повышении Кроуфорда до начальника полиции, а Греймор никогда не спрашивал. Это было молчание во благо, как считал Маккарти. Но не теперь.

Увидев происшествие на заправке, Маккарти наконец понял реакцию людей на внешность Греймора. Это был предрассудок, ничем не отличающийся от расизма или антисемитизма. Он коренился в страхе и невежестве, и Маккарти находил это оскорбительным. Но от этого он не становился менее реальным и, как он убедился сегодня, менее опасным. Не подставил ли под удар Греймора его наивный подход? Безусловно, об освобождении Пола должны были сообщить всем, а его лицо так легко узнать... Как он мог это не продумать?

Все, чего он хотел, — чтобы Греймор вернулся домой, в город, который он любил, и зажил хорошей жизнью. И чтобы заманить его обратно, он играл на том, что Греймор желал того же. Как бы плохо Маккарти теперь ни было, он осознавал, насколько больно сейчас Полу.

Он допил чай и сидел, держа пустую кружку, ошеломленный смешанными чувствами. Вину и стыд он понимал: он не был полностью честен с Полом и ввел его в заблуждение. Он знал, как это исправить, и знал, что исправит. Но было еще что-то, что ощущалось гораздо хуже. Вдалеке лаяла собака, где-то сигналила машина. На веранде Маккарти наконец поднялся ветерок, лениво раскачивая подвешенные к перилам колокольчики. Их звук обычно успокаивал Маккарти, но сегодня действовал на нервы, и он осознал, что чувствует.

Колокольчики звучали для Маккарти как телефонный звонок. Мысли сразу же перенеслись в ту далекую ночь, когда он был еще мальчиком. Тот же звук разбудил его в самый темный час ночи; казалось, он длился вечно. Отец крепко спал, а мать, медсестра, работала в ту ночь в больнице. Юный Маккарти просонья выбрался из кровати, и внезапный страх сковал его. Звонок не умолкал, пока он брел в спальню родителей, сердце билось все чаще, и ему вдруг захотелось плакать. Наконец он услышал, как отец снял трубку. Он замер в коридоре, парализованный страхом, и услышал звук, которого никогда раньше не слышал: плач отца.

Мать Маккарти погибла от нелепого несчастного случая.

Неисправное медицинское оборудование закоротило, и ее ударило током. Она была окружена людьми, чьей работой было спасать жизни, в здании, полном лекарств и аппаратов, но она все равно умерла. Каким-то образом он почувствовал это еще до того, как услышал плач отца. Многие сказали бы, что все знают: звонок посреди ночи не сулит ничего хорошего. Но Маккарти думал, что дело было в чем-то большем. Он ощутил это сердцем, и это было ужасное, всепоглощающее чувство.

Колокольчики и вправду звучали как телефонный звонок, и Маккарти понял, что скрывалось за виной и стыдом. Это чувство было таким же всепоглощающим, как в детстве, таким же ужасным, и снова он ощутил сердцем его: предчувствие беды. Легкий ветерок вновь заставил колокольчики звенеть, и Маккарти вздрогнул, сердце бешено заколотилось в груди. *Что должно произойти?* Ветерок больше не был желанным другом; он нес послание, которого Маккарти не хотел слышать. Он поднялся и, пошатываясь, вошел в дом, зная, что все равно не сможет уснуть, но предпочитая удушливую жару зловещему ветру, что дул на веранде.

Следующий школьный день для Денни закончился без происшествий. Даже учителя казались вялыми из-за очередного дня неумолимой жары и неугомонных детей. Главной темой разговоров были избитая физиономия Дейла Кроуфорда и возвращение Пола Греймора в Хэвен. Ходили слухи, что именно Греймор изуродовал Кроуфорда. Дейл всем рассказывал, что Греймор напал на него на заправке Макколи, «застав врасплох». История становилась довольно туманной, когда Дейла спрашивали, почему его отец, начальник полиции, не арестовал Греймора.

Пол Греймор был известен большинству жителей Хэвена как Мясник. Много лет назад, еще до рождения Денни, он якобы взбесился и убил кучу детей. С тех пор он сидел в тюрьме. Мясник стал местным букой. Историй ходило множество, и обычным родительским предупреждением детям было: «Возвращайся вовремя, а не то Мясник тебя заберет». Что не особо логично, ведь Мясник был надежно заперт в Брэкстоне. По крайней мере до недавнего времени. Денни не верил большинству этих историй; за годы они приобрели оттенок небылиц. Хотя он знал, что истории о внешности Греймора – правда. Греймор был изуродован в детстве, и большинство людей боялись его еще до того, как он начал убивать детей.

По дороге домой в автобусе Денни смотрел в окно на дом Грейморов. Он выглядел жутко, как и всегда, но, к его облегчению, таким же пустым. Хмурясь, он наблюдал, как автобус медленно останавливается перед его домом. Дорожка к входной двери была пуста. Денни и Коротышка попрощались, и чувство тревоги комом осело в животе, пока он торопился выйти из автобуса.

– Где Медведь? – спросил Денни, врываясь в дом.

Его мать как раз спускалась по лестнице с корзиной белья.

– Он целый день то заходил, то выходил, наверное, искал прохладное место, чтобы прилечь.

– Сейчас он внутри или снаружи? – спросил Денни, но ее взгляд уже начал туманиться, и он понял, что ее мысли где-то далеко, с другим мальчиком. Денни вышел на задний двор, и когда сетчатая дверь захлопнулась за ним, его беспокойство усилилось. Обыскав двор, Денни вернулся внутрь, снял школьную форму, переоделся и осмотрел дом, начав с верхнего этажа. К тому времени, как он снова оказался на кухне, его охватила неподдельная тревога.

Его мать уже начала готовить ужин и выглядела так, будто на мгновение вернулась к реальности.

– Мне нужно было кое-что достать с полки в подвале, – сказала она. – Может, он проскользнул вниз по лестнице, пока дверь была открыта. Это единственное прохладное место в доме.

Денни направился в коридор, ведущий к лестнице в под-

вал. Он открыл дверь, щелкнул выключателем и замер. Он ненавидел спускаться в подвал. Ничего такого, что могло бы объяснить этот страх, никогда не происходило, но чувство было неизменным. Одинокая голая лампочка ярко горела в дальнем конце подвала и едва освещала нижнюю часть лестницы. Тусклый свет, который все же достигал ее, был полон странных теней и темных провалов.

– Медведь, ко мне! Медведь! – позвал Денни и затаил дыхание, надеясь услышать побрякивание ошейника собаки, но ответом ему была тишина. Он медленно выдохнул и начал спускаться. После всего нескольких ступенек воздух резко изменился. Сначала в нос Денни ударил затхлый запах, затем его коснулась прохлада на грани с холодом. «Прямо как в могиле», – подумал Денни, продолжая спуск по скрипучим ступеням. Рука коснулась чего-то шелковистого. Денни отдернул ее и стал лихорадочно вытирать обрывки паутины о штаны, представляя огромного волосатого паука на другом ее конце. Он молча проклинал все фильмы ужасов, которые когда-либо смотрел.

Добравшись до нижней ступеньки, Денни огляделся в поисках возможных мест, где могла бы спрятаться собака. Кажалось, было только три вероятных варианта. Сначала он проверил под верстаком. Ничего, кроме еще большего количества пауков. Чтобы подавить нарастающий страх, Денни выхватил ржавый молоток из груды неиспользуемых инструментов, разбросанных по верстаку, и медленно направился

вглубь подвала, чтобы заглянуть за печь. Там не было ничего, кроме нескольких старых коробок. *Ты же знаешь, что в этих коробках, Денни.* Он тряхнул головой, отгоняя эту мысль, и замер. Оставалось проверить только одно место.

В дальнем углу подвала дверной проем вел в помещение, которое, казалось, в давно забытые времена было какой-то прачечной. Денни был внутри всего один раз, и этого ему хватило. Раковина едва угадывалась под толстым слоем плесени. То, что напоминало ванну, представляло собой не более чем полуторафутовую цементную емкость в дальнем углу, наполовину заполненную водой, покрытой пленкой грязи. Мысли о том, что могло обитать в этой воде, заставляли Денни держаться подальше, но он должен был проверить. Он дошел до проема и заглянул внутрь. Лучи света из грязного окна под потолком блестели на мокром полу и стенах. Звуки капель и бульканья, доносящиеся из сгнивших труб, гулко отражались в маленьком помещении. Балки над головой были увешаны паутиной, и один раздувшийся паук угрожающе раскачивался прямо над ним.

Внезапный грохот и шипение из труб заставили Денни подпрыгнуть. Его глаза расширились, когда он увидел, как застоявшаяся вода в ванне начала бурлить и пузыриться. Он медленно отступил, бросил молоток, затем повернулся и побежал обратно к лестнице. Представив себе, как из липкой массы поднимается какая-то рептильная тварь, он стремительно побежал вверх по лестнице.

Наверху Денни захлопнул за собой дверь и закрыл маленький замок типа «крючок-защелка». Он прислонился к двери на мгновение, напрягая слух, чтобы услышать скользкие шаги на лестнице. Его сердце колотилось в груди, и все тело дрожало. Когда Денни наконец перевел дух, убедившись, что никто его не преследует, он вошел на кухню и тут же почувствовал себя глупо. Его мать стояла перед раковиной с текущей водой. Когда она выключила воду, он услышал, как трубы дребезжат, как тысячу раз до этого. Включение воды привело к попаданию воздуха в трубы, и вода в ванне, находящейся в подвале, начала бурлить.

Смущенно ухмыльнувшись про себя, он вышел через заднюю дверь, чтобы продолжить поиски собаки. Картина свирепого монстра, запертого в ловушку на старый замок «крючок-защелка», возникшая в его воображении, заставила его хихикнуть.

Денни вышел на крыльцо и направился к лесу за задним двором. Двор от леса отделял старый частокол. Забор, когда-то сверкавший белизной, теперь выцвел и облупился, в нем не хватало нескольких штакетин. Печаль на мгновение сменила тревогу, когда он вспомнил, как отец шутил, что позовет стоматолога, чтобы тот починил сломанные «зубы». Банально, но именно это делало его таким замечательным отцом. В тот день отец починил несколько сломанных штакетин и позволил Денни забить несколько гвоздей.

Денни отогнал воспоминания, протиснул тощее тело в од-

ну из щелей и ступил на тропинку, ведущую сквозь густые кусты, на которых недавно распустились листья.

За тропинкой лес становился густым и тянулся на многие мили. Денни провел здесь немало времени и хорошо знал местность, но сегодня лес казался немного темнее и гуще обычного. Он пошел, списывая свою нервозность на отсутствие Медведя. «Медведь, ко мне, Медведь!» – кричал он время от времени. Но даже звук его собственного голоса во влажном воздухе звучал жутко. Узкие солнечные лучи пробивались сквозь деревья, создавая тени, которые шевелились от редкого дуновения ветерка. Обычные звуки леса начали казаться Денни угрожающими. «Медведь, выходи сейчас же», – позвал он на этот раз тише, боясь привлечь нежелательное внимание.

Шорох впереди остановил его. Весь лес как будто стих. Денни уже собирался развернуться и бежать, когда через тропу метнулся бурундук. Внезапно он понял, что затаил дыхание, и с облегчением выдохнул. «Что со мной не так, – подумал он. – Сначала подвал, а теперь лес».

Денни решил пойти домой и расспросить соседей о собаке. Возвращаясь, он не мог избавиться от неприятного предчувствия, охватившего его с того момента, как он увидел пустую дорожку со своего места в автобусе.

Денни крикнул матери и подождал ответа. Не дождав-
шись, он покачал головой и пошел по улице. Казалось, мать
отдаляется все больше, и он боялся, что однажды она исчез-
нет, застряв в мире, в котором время от времени пропадала.
В мире, где все еще жили его отец и брат.

Воздух оставался жарким и плотным, хотя солнце клони-
лось к закату. Деревья, с каждым днем покрывавшиеся лист-
вой, и зеленые газоны усиливали чувство одиночества без
Медведя. День больше напоминал конец бабьего лета, чем
начало весны, – такой день, от красоты которого у Денни
сжималось сердце, но который также печалил тем, что он
может быть последним перед зимой. Что-то шевельнулось
в кустах справа и заставило его вздрогнуть. Это была всего
лишь кошка – верный признак того, что он приближается к
дому миссис Ловелл. Через несколько шагов Денни увидел
еще пару кошек, гоняющихся друг за другом по улице. К то-
му времени, как он добрался до забора, окаймлявшего уча-
сток, он без труда разглядел с десяток. Денни направился к
ее дорожке и почувствовал себя неловко. Так много кошек.

Женщина-Кошка часто становилась предметом разгово-
ров в столовой, и истории варьировались от странных и жут-
ких до откровенно абсурдных. Как и в рассказах о Мясни-
ке, было трудно отделить правду от вымысла. Самая распро-

страненная история о Женщине-Кошке гласила, что она убила своего мужа, а точнее, приказала кошкам убить его.

Большую часть времени это звучало так нелепо, но теперь, когда они были рядом... *если бы они захотели, они могли бы разорвать меня на части.*

Из открытой двери донесся голос миссис Ловелл: «Нет, нет, еще не время ужинать», – тем же тоном, который он слышал вчера, словно она разговаривала с внуками. Денни подождал, чтобы убедиться, что ответа нет, а затем постучал в дверь. Конечно же, ответа не было; она разговаривала с одной из кошек.

Миссис Ловелл появилась в дверях и улыбнулась:

– Поглядите-ка, это Денни с холма. – Затем улыбка сменилась хмурым выражением. – У тебя ведь нет с собой этого мерзкого зверя, правда?

– Нет, мэ. Да, это я, Денни.

Кошачья вонь, доносившаяся из дома, отдавала гнилью, едкой смесью мочи и кошачьего корма.

Теперь, когда ее кошкам ничего не угрожало, улыбка вернулась на лицо миссис Ловелл.

– Да, Денни-пес и его хозяин Денни, как мило. Что мы можем для тебя сделать, Денни? Как твоя мама?

Денни сдержал улыбку. Она помнит имена сотни кошек и их дни рождения, но когда дело касается людей...

– С ней все в порядке, миссис Ловелл. Я здесь потому, что хотел узнать, не видели ли вы сегодня Ме... мою собаку?

– Нет, но если бы видела, можешь быть уверен, я бы ее прогнала. – Затем она быстро и (по-кошачьи) грациозно вышла на крыльцо и добавила заговорщическим шепотом: «Он пугает детей, знаешь ли».

Когда дверь открылась, а Женщина-кошка приблизилась, запах прокисшего молока и грязных лотков стал невыносимым. Денни начало тошнить, закружилась голова.

– Да, мэм, он не нарочно, он просто ведет себя как собака.

Три кошки, одна сиамская и две облезлые серо-белые, по очереди вились вокруг ее ног. Другие расположились вдоль перил крыльца и подоконников. Казалось, все они не сводили глаз с Денни.

– Хочешь зайти и выпить молока? У меня всегда много молока.

Она улыбнулась, но Денни подумал, что улыбка не затронула глаз. Эти глаза словно говорили: «Конечно, я убила своего мужа, и тебя тоже убью, если ты дашь мне повод».

Теперь некоторые кошки начали тереться о его ноги. Денни чувствовал себя словно во сне. Он представлял себя в том доме, окруженным кошками, пьющим молоко (*из миски*), и, когда миссис Ловелл закричит: «Это у него такая злая собака, дети!», все кошки набросятся на него, царапая и кусая. Он дрожал в жарком послеполуденном воздухе.

– Нет, спасибо, мэм. Пожалуй, я просто продолжу искать свою собаку. До свидания.

– Прощай, Денни, удачи.

Она бесшумно проскользнула обратно в дом. Возвращаясь к дороге, он услышал ее голос, снова с тем же напевным тоном: «Хотите поиграть немного перед ужином?»

Остановившись в конце дорожки, Денни на мгновение решил, что услышал, как несколько кошек мяукают в ответ. Он взглянул на холм, затем вниз, а после на положение солнца. Он решил спуститься к дому Билли и спросить о Медведе, и если повезет, Джули будет дома. Он не мог понять, зачем она тратит время на такого неудачника, как Дейл Кроуфорд. Джули всегда была такой милой, а Дейл, сколько Денни его знал, был полным уродом. Пока он шел по пыльной дороге, его снова охватило то неприятное чувство. «По крайней мере, на этот раз у меня есть причина нервничать», – подумал он.

Причиной, конечно же, был старый дом Грейморов. Любая надежда на то, чтобы пройти мимо дома Женщины-кошки, тут же сошла на нет. Денни пришлось бы пройти рядом с заколоченным домом, чтобы попасть к Билли. Вчера это не представляло собой такую уж проблему. Это был просто старый, жуткий дом со страшной историей. Но теперь, зная, что Греймор вышел из тюрьмы, возможно, даже вернулся в Хэвен, он видел все иначе. Может быть, Греймор действительно вернулся домой, подумал Денни, похолодев. Мясник, так его прозвали. Хотя все это произошло за годы до его рождения, Денни знал о Мяснике, как и все остальные в Хэвене. В шестьдесят первом в городе произошла серия убийств,

в основном детей. Поздним летом того же года сам начальник полиции Кроуфорд (тогда еще офицер Кроуфорд) поймал Пола Греймора с поличным, когда он держал в руках еще не успевшую остыть последнюю жертву. Прямо за тем самым домом, к которому сейчас приближался Денни. Дом был заперт с тех пор, но Денни всегда бросало в дрожь, когда он проходил мимо, поэтому он ускорил шаг.

Высокие живые изгороди, окружавшие лужайку, неконтролируемо разрослись. Хотя трава все еще была коричневой после зимы, Денни видел, что за ней не ухаживали годами. Проходя у подъездной дорожки, он отчетливо разглядел сам дом. Выцветшая краска, провисшие доски, закрывающие окна, шаткое крыльцо: сегодня все это выглядело еще более угрожающе. Денни заметил, что даже граффити, покрывавшие дом, выцвели и не читались, а весь фасад дома покрывали пятна от бесчисленных яиц, которые бросали каждый Хеллоуин.

Он шел быстро, пока не прошел дом, не отрывая глаз, словно у того могли вырасти ноги, чтобы погнаться следом. Когда Денни добрался до Каммингсов, Билли тусовался на подъездной дорожке, бросая теннисный мяч и ловя его.

– Привет, Билли.

– Что случилось, Денни?

– Ничего особенного. Я ищу Медведя. Думал, он, возможно, забрел сюда. – Денни огляделся, не ожидая найти Медведя, но надеясь увидеть Джули.

– Нет, я его не видел, и ее тоже нет дома, – сказал Билли, подмигнув. Он подбросил мяч, сделал пару неуверенных шагов назад и снова поймал его. – Хочешь, я помогу тебе?

– Не знаю, где еще искать. Может, просто подожду и посмотрю, вернется ли он домой. Мы все еще ночуем в палатке на этих выходных?

– Конечно, почему бы и нет. Папа сказал, что мы можем воспользоваться его палаткой и фонарями, если будем осторожны.

Денни понравилась идея спать в палатке, а не под открытым небом.

– Звучит здорово. Можем выехать сразу после школы в пятницу.

– Я принесу палатку и все необходимое в четверг после школы, а в пятницу сядем с тобой на автобус. Мы можем гулять, пока не стемнеет, а потом разобьем лагерь. Папа говорит, что в паре миль отсюда есть пещеры.

Он снова бросил мяч и подождал. Когда мяч упал, Денни подпрыгнул и ловко поймал его одной рукой, а потом подбросил обратно, и мальчики начали бороться друг с другом, пытаясь поймать мяч, тут же увлекшись игрой.

Когда темно-синяя машина медленно поднялась на холм, оба мальчика остановились, чтобы посмотреть. Оба решили, что это кто-то навестил Женщину-кошку, и продолжили игру.

Машина съехала с гладкого асфальта на грунтовую дорогу и через мгновение свернула на подъездную дорожку к дому Пола Греймора. Пол сидел, уставившись на дом, не веря, где находится. Он знал, что большинство людей, отправленных в тюрьму на такой же срок, как он сам, договорились бы о продаже дома, но он не мог вынести расставания с ним. Он чувствовал, что отдал бы последнюю частичку себя, которая была до тюрьмы. Все время, будучи в заключении, он тайно надеялся, что когда-нибудь вернется, и вот он здесь. Лучи закатного солнца падали под странным углом, создавая причудливые тени и придавая старому дому сюрреалистический вид.

Почувствовав уязвимость Пола, Маккарти сказал:

– Я все еще должен устроить тебе большую экскурсию по Хэвену, но подумал, что нам стоит осмотреться здесь, пока не стемнело. Жаль, что я не успел убраться здесь до твоего приезда.

После инцидента на заправке накануне Греймор провел беспокойный вечер в ожидании визита шефа Кроуфорда, но тот так и не пришел. Сегодня они с Маккарти привели в порядок банковский счет Пола, посетили Департамент автотранспорта, чтобы узнать, что Полу нужно для получения новых водительских прав... все как обычно, а затем верну-

лись, чтобы проверить дом.

– Прошу вас, отец, вы и так сделали более чем достаточно. Давайте посмотрим.

Двое мужчин вышли из машины и подошли к входной двери, старательно избегая наступать на гнилые доски ступенек и настила крыльца.

– Надеюсь, ключ подойдет, – сказал Пол, вытаскивая его из кармана. Он нервно облизнул губы и вставил ключ, пытаясь скрыть дрожь в руках. Старый замок сопротивлялся, словно замороженный временем и стихиями. Пол толкнул дверь, и дерево вокруг замка раскрошилось. Он толкнул еще раз, дверь с протестующим скрипом открылась, и Пол вошел в дом своего детства. Запах затхлости сразу же окутал его, как и глубокое чувство ностальгии, которое возникло, пока он смотрел на гостиную.

Старый священник положил руку на плечо Пола:

– Давай осмотримся, позже у тебя будет достаточно времени подумать.

Пол кивнул и принялся бродить по дому, с каждым шагом пробуждая все новые воспоминания. Отец учил его делать наживку, мать пекла печенье, а он, стоя на стуле, помогал ей с тестом, они втроем играли в «Румми», смеялись и любили друг друга.

В угасающем свете дня он привычно обходил каждую комнату, оценивая, что нужно сделать. Удивительно, но ущерб был минимальным. В основном это были разбитые вандала-

ми окна и сгнившие деревяшки, но старый дом казался крепким и по большей части нуждался в косметическом ремонте и обилии свежего воздуха. Репутация Мясника годами отпугивала самых опасных вандалов.

Когда они осматривали спальни наверху, Пол вздрогнул, услышав царапающий звук.

Билли и Денни без устали играли с мячом, не обращая внимания на время. Спустя некоторое время Билли начал выигрывать, заработав разницу в два очка. Мальчишки толкались и пихались, Денни, высокий и жилистый, против Билли, который был немного ниже, но крепче. Они боролись, но мяч так и не коснулся земли.

– Он укатился?

Билли покачал головой:

– Не-а, он застрял в желобе.

Денни взглянул на желоб, размышляя, сколько мячей они потеряли там за эти годы. Посмотрев вниз, он с удивлением увидел, насколько длинными стали тени. Солнце начало садиться за деревья.

– Мне все равно нужно домой.

Билли огляделся, тоже удивленный тем, как быстро стемнело. Жара заставила их забыть, что на дворе только май, и дни были все еще короче, чем летние.

– Хочешь, папа отвезет тебя на холм?

Денни колебался: было бы неплохо миновать дом Грейморов, но он не хотел показаться трусом.

– Нет, я пройдусь. Всего несколько минут.

Особенно если побегу.

– Хорошо, увидимся завтра.

– Давай.

Они хлопнули друг друга по рукам и разошлись: Билли – в свой уютный дом, а Денни – на темнеющую дорожку к холму.

Как только солнце начало садиться, температура понизилась вместе с ним. Денни был весь в поту после игры, но, поднимаясь на холм, начал мерзнуть. Солнце уже полностью скрылось за деревьями, и улица была залита зловещим оранжево-желтым светом. Тени от почти голых деревьев походили на тюремные решетки.

Приближаясь к дому Грейморов, Денни занервничал. В голове мелькали истории о Мяснике. Однажды, во время стрижки, он услышал разговор нескольких пожилых мужчин. Они сказали, что некоторые тела нашли полностью без кожи, другие – с отсутствующими частями; большинство так и не были найдены.

Добравшись до разросшейся живой изгороди в перед домом Грейморов, Денни внезапно замер. Его сердце бешено колотилось. *Неужели я только что слышал голоса?* Он сказал себе, что это глупо, и продолжил идти. Солнечный свет, пробивающийся сквозь голые деревья, тускнел по мере того, как солнце садилось, теперь заливая все красноватым сиянием. Тьма скоро сомкнется над Денни.

Он добрался до просвета в живой изгороди у подъездной дорожки, и на этот раз его остановило то, что он увидел. Там стояла машина! Денни на мгновение замер, глядя на нее.

Время, казалось, застыло, пока он пытался понять, что это значит.

Его паралич прервался скрипом ржавых петель, протестующих после многих лет неподвижности. Именно этот звук заставил его побежать домой, вверх по холму, ни разу не оглянувшись, чтобы увидеть, кто... *или что...* вышло из парадной двери дома Грейморов.

– Думаю, нам понадобится дезинсектор, – заметил Пол, когда по чердаку над ними пробежало еще одно существо.

– Наверное, мыши или белки, – предположил священник, спускаясь по лестнице.

Пол кивнул:

– Уверены, что я могу остаться у вас, пока не приведу это место в порядок? Это займет время.

– Без проблем, Пол, не торопись.

Они остановились у входной двери, заметив у подъездной дорожки силуэт мальчика, вырисовывавшийся в тусклом свете. Отец Маккарти прищурился, пытаясь лучше разглядеть его черты. Он распахнул сетчатую дверь, чтобы выйти на крыльцо, как вдруг мальчик повернулся и побежал вверх по холму. Старый священник стоял на крыльце, глядя ему вслед.

– Вы его знаете? – спросил Пол, выйдя на крыльцо.

– Кажется, да, но не могу понять откуда, – ответил священник. Пол буквально видел, как крутятся колесики в мозгу старика, пока он пытался вспомнить.

– Я сейчас вернусь, Пол. Мне нужно узнать, кто это был.

В голосе Маккарти слышалась непривычная для Пола настойчивость. Священник быстро направился к машине и выехал задним ходом с подъездной дорожки, оставив Пола на-

едине со своими мыслями.

Пол сел на верхнюю ступеньку крыльца, вытащил из кармана джинсов мятую пачку сигарет и бездумно закурил. Он уже собирался сделать первую затяжку, как вдруг вспомнил об обещании. На мгновение взглянул на сигарету и раздавил ее ногой, затем встал и обошел дом. Мать-природа полностью захватила его территорию. Он медленно подошел к краю озера, граничащего с участком. Последние лучи дневного света угасли, когда он добрался до песчаного берега.

Слева Пол разглядел огни в доме Барроузов. Это уже не дом Барроузов, подумал он. Все они мертвы. Он выбросил эту мысль из головы и посмотрел прямо на черную гладь озера. Насколько хватало глаз, вокруг не было домов, только его собственный, Барроузов или кто там еще живет, и Ловеллов на другом берегу. Кто знает, там ли они еще? Пол вырос здесь, проводя лето за рыбалкой, плаванием и греблей на каноэ, а зимой – катаясь на коньках. Его детство было полно счастливых воспоминаний, связанных с этим местом, но то, что пришло к нему сейчас, отличалось. Видение прошлого было настолько внезапным и ярким, что парализовало его.

Дождь лил как из ведра, а ветер был не по сезону холодным: капли дождя били Пола в лицо, словно пули. Каноэ опасно клонилось к тому, чтобы утонуть. Пол яростно греб к берегу, дождь катился по лицу, смешиваясь со слезами. Девушка на его коленях оставалась неподвижной. «Пожалуйста, пусть я успею», – взмолился он и ускорил темп.

Внезапно его охватило головокружение, грозя потерей сознания. Пол на мгновение закрыл глаза, и это чувство прошло. Раны на ногах были ужасны. Вода на дне каноэ окрасилась в тошнотворный цвет слабого чая из-за потерянной крови. Наконец показался берег. Он потратил все оставшиеся силы, чтобы преодолеть последние несколько ярдов до финиша, но должен был идти дальше. Он поднял девушку с колен. «Когда я приведу ее в порядок, мне нужно вернуться и убедиться, что я убил его». Он осторожно вышел из каноэ и встал по колено в озере. Паника охватила его, когда он подумал о том, что существо, возможно, живо, и отчаянно побрел к берегу. Голова кружилась, а дом, казалось, все больше удалялся по мере того, как он шел к нему. Он понял, что удар по голове мог оказаться сильнее, чем по ногам. «Я должен успеть», – снова подумал он. Это была его последняя мысль перед тем, как он рухнул на землю.

Громкий всплеск на другом берегу озера отвлек его от воспоминаний. «Просто лягушка-бык», – подумал он, но внезапно почувствовал, как его охватывает страх. Впервые он смог хоть что-то вспомнить о том дне. «Но как я оказался с девушкой и как мы оба так сильно пострадали? И кого, по моему, я убил той ночью?»

Внезапно Пол понял, что не хочет вспоминать. Он точно знал, что девушка умерла от ран и офицер Кроуфорд нашел их обоих и арестовал Пола за ее убийство. «Но я не убивал ее, я пытался спасти. Я не помню, но знаю, что это правда,

и, думаю, Кроуфорд тоже это знал».

Он покачал головой и пошел обратно к дому, чтобы дождаться священника.

Денни как раз приближался к дому Женщины-кошки, когда увидел позади себя мерцание фар. На мгновение он замер, раздумывая, стоит ли позвать ее на помощь. «Помощь», – подумал он и продолжил бежать. Пот лил ручьем, дыхание с шумом вырывалось из груди. Он был всего в пятидесяти футах от дома, когда темная машина остановилась рядом с ним.

– Сбавь ход, сынок, я просто хочу с тобой поговорить.

Денни быстро обернулся и с удивлением увидел на водителе воротничок священника, хотя лицо его было скрыто в тени.

– Это отец Маккарти, сынок, погоди минутку.

Денни снова посмотрел направо, дойдя до края двора. Это был отец Маккарти! Денни остановился, внезапно почувствовав себя глупо из-за того, что рванул с места. Он наклонился и уперся руками в колени, пытаясь отдышаться.

– Ты помнишь меня по церкви, сынок? – спросил старый священник. Денни кивнул, все еще не в силах говорить.

– Я тебя помню, но давно не видел и не назову твое имя.

– Денни... Деннис... О'Брайен, – прохрипел он.

Денни ясно увидел растерянность на лице старика, когда наконец до него дошло.

– Как твоя мама, Деннис?

Денни наконец перевел дух.

– У нее все хорошо, отец.

– Нам не хватает вас на мессе, Деннис, вас обоих.

– Да, сэр.

– Может быть, ты захочешь прийти в воскресенье?

Денни почувствовал неловкость и принялся ковырять пыльную дорогу кроссовкой.

– Вам нужно поговорить об этом с моей мамой, отец.

– Это было бы отлично, сынок. Она сейчас дома?

«О нет, – подумал Денни, – это плохо».

– Была, когда я уходил после школы, и уверен, она ждет меня на ужин.

– Это займет всего минуту, а потом я вас оставлю. Хорошо?

– Конечно, можете заехать сюда.

Священник въехал на подъездную дорожку и выключил зажигание. Денни подождал, пока старик выйдет из машины. Когда он закрыл за собой дверь, на крыльце замигал свет, и мать Денни выглянула на улицу.

– Денни, тебя отец Билли довез?

Старый священник шагнул в круг света, отбрасываемый голой лампочкой над москитной сеткой. Денни наблюдал, как на лице матери отразилось удивление, которое тут же сменилось чем-то еще более неприятным. Она распахнула москитную сетку и вышла на крыльцо.

– Что вы делаете в моем доме? – заорала она. – Я хочу,

чтобы вы убрались отсюда! Держитесь подальше от меня и моего сына!

Ее лицо покраснело, когда она впервые узнала священника, а теперь оно было почти багровым.

– Миссис О'Брайен, позвольте мне...

– Я вам ничего не позволю! Разве вам мало?

Денни был потрясен этой вспышкой. Он знал, что его мать после аварии совершенно не интересовалась религией, но не мог поверить, что она могла так разговаривать со священником.

Лицо отца Маккарти побледнело, выражение стало непроницаемым.

– Мама, он просто...

– Нет! – Она подошла к Маккарти. – Вы забрали моего мужа и сына, а теперь возвращаетесь за добавкой?

Старый священник открыл было рот, чтобы что-то сказать, но потом передумал. Он медленно попятился к машине, словно боясь повернуться к женщине спиной. Врезавшись в крыло, он повернулся и сел в автомобиль.

– Спокойной ночи. Извините за беспокойство, – пробормотал он, выезжая от дома. Денни на мгновение замер, не зная, что будет дальше. Внезапно его мать расплакалась. Она закрыла лицо руками, ее тело сотрясали неистовые рыдания. Денни подбежал к ней и обнял.

– Мама...

И тоже заплакал.

Мать наклонилась и крепко обняла его.

– О, Денни, как я скучаю по ним...

– Я тоже, – прошептал Денни, совершенно забыв о том, что это отец Маккарти припарковался на подъездной дорожке к дому Пола Греймора.

Отец Маккарти медленно спускался с холма, потрясенный произошедшим. Маккарти часто заменял отца Кригера, прежде чем получил постоянное назначение в Хэвен. Он хорошо помнил семью О'Брайен и случившуюся с ними трагедию. Он знал, что Дженис О'Брайен отреклась от веры после аварии, но ее ярая ненависть глубоко потрясла его.

Священник подъехал к дому Грейморов и, не выключая двигатель, вышел из машины. Пол поднялся с крыльца и подошел к нему.

– Вы в порядке, отец? Вы выглядите расстроенным.

– Все хорошо, – ответил священник. – Не пора ли нам вернуться?

Они ехали молча, пока не добрались до небольшого коттеджа, служившего приходским домом Маккарти. Они вошли внутрь, и Пол успел рассмотреть дом гораздо подробнее, чем накануне вечером. Они стояли в просторной гостиной, где находились лишь диван, кресло и лампа для чтения. Стены комнаты были заставлены книжными полками, забитыми томами всех размеров. Спальня священника находилась слева, небольшая кухня и ванная – в задней части дома, а гостевая

комната, где спал Пол, справа. Вчера вечером Пол сразу же отправился в свою комнату, а сегодня утром они вышли из дома сразу после завтрака. Впервые Пол взглянул на некоторые издания на ближайшей книжной полке и с удивлением обнаружил набор книг от привычных религиозных сочинений до детективов и саспенса. Одна полка была целиком заполнена книгами на такие темы, как снежный человек и Лох-Несское чудовище, а также трудами о вуду и колдовстве.

– Настоящая коллекция, отец.

– Чтение – мое хобби. Боюсь, у меня слабость к детективам всех мастей. Я часто думаю, что если бы не стал священником, то стал бы детективом или отправился бы в Гималаи искать снежного человека.

Пол улыбнулся старику:

– Я вам безмерно благодарен...

Священник махнул рукой, призывая его замолчать.

– Не хочу больше этого слышать, Пол. Хотел бы я предложить тебе более комфортабельное жилье...

На этот раз Пол остановил старика на полуслове.

– Не забывайте, кто был моим последним «арендодателем», отец, – сказал он с ухмылкой.

Старик слегка улыбнулся, но лицо его оставалось мрачным.

– Что с этим мальчиком, отец? Это вас очень беспокоит.

Священник медленно покачал головой; казалось, за последние несколько часов он постарел на несколько лет.

– Его зовут Деннис О'Брайен. Он и его мать живут чуть выше по холму от твоего дома.

Пол вспомнил улицу Хиллвью.

– Там, кажется, были только дома Ловеллов и Блаакманов.

– Все верно, Пол. Мать Денниса, Дженис, – дочь Мосси. О'Брайен – ее фамилия после замужества. Три года назад семья О'Брайен очень активно посещала церковь. Джеймс О'Брайен, отец Денни, работал на фабрике «Конверс» в Молдене. Старший брат Денни, Джеймс-младший, был одаренным учеником и отличным спортсменом. На первом курсе он играл за университетскую команду в футбол, заменяя травмированного квотербека в конце учебного года. Джеймс-старший летом взял его поработать на фабрику, думая о колледже и оплате обучения. Он должен был обучать Джимми обращаться со станками по выходным, прежде чем тот сможет приступить к работе на полную ставку. – Старик помолчал, проведя руками по густым седым волосам. – В одно из таких воскресений они вдвоем вышли из дома. Остановились у «Тедди» купить кофе и пончики, а затем направились на фабрику. На следующем перекрестке в них врезался автомобиль, мчавшийся на большой скорости на красный свет. Машина О'Брайена вылетела с дороги и скатилась с крутой насыпи. Джеймс-младший погиб на месте, сломав шею. Джеймс-старший получил тяжелые травмы головы и умер три дня спустя, так и не придя в сознание.

Водителя другой машины выбросило наружу, он отделал-

ся порезами, ушибами и сломанной рукой. Этим водителем был отец Джейсон Кригер. Он опаздывал на мессу, перепи-сывая по дороге стихи из Библии, чтобы использовать их в утренней проповеди. Он также всю ночь дегустировал вин-ные запасы вместе с другим священником. Его признали виновным в безрассудном вождении и непредумышленном убийстве, приговорили к условному сроку, и больше жители Хэвена его не видели. Вскоре после этого он покончил с со-бой в исповедальне церкви в Нью-Гемпшире.

Старый священник глубоко вздохнул, явно расстроенный этой историей.

– По иронии судьбы, именно так я и оказался здесь, за-менив отца Кригера. Мать Денниса так и не оправилась от несчастного случая. Она решила выплеснуть горе, отвергнув Господа и обвинив в смертях близких всех, кто связан с цер-ковью.

Пол наблюдал за священником, пока тот говорил, желая найти нужные слова, но вместо этого молчал.

– Я немного почитаю, прежде чем лечь спать. Завтра мы можем осмотреть остальную часть Хэвена. Спокойной ночи, Пол. Я рад, что ты здесь.

– Спокойной ночи, отец.

Пол смотрел, как старик медленно бредет в спальню, и от-чаянно хотел остановить его и рассказать о воспоминании на озере. Но старик был так глубоко обеспокоен мальчиком и его матерью, что Пол не хотел его обременять.

Он ушел в свою спальню и плюхнулся на маленькую кровать. Бездумно провел пальцами по глубоким шрамам на лице, катая в памяти леденящее душу воспоминание. «Кого же я убил? Это было какое-то животное?»

Через несколько секунд он крепко спал, а старый священник читал до глубокой ночи.

Денни сидел рядом с матерью на диване, не отрывая глаз от телевизора, но в мыслях блуждал где-то далеко. Он не мог сосредоточиться на бессмысленном сериале с закадровым смехом и бессмысленными разговорами. За ужином мать быстро успокоилась и больше ничего не говорила ни об аварии, ни об отце Маккарти, и вообще ничего: они ели молча. Денни хотел поговорить с матерью, рассказать о своих чувствах к церкви, которые совсем не совпадали с ее чувствами. Денни скучал по еженедельной мессе. Он не походил на большинство детей его возраста, которых заставляли ходить в церковь каждое воскресенье: ему это даже нравилось. Странно, но церковь всегда успокаивала Денни, и ему этого очень не хватало. Несколько раз он пытался завязать разговор, но начинал думать, что упустил возможность по-настоящему поговорить на подъездной дорожке после отъезда отца Маккарти. Он собрался с духом и попробовал снова.

– Мам, помнишь тот раз в церкви, когда мы с Джимми подрались из-за шоколадки? – Он следил за глазами матери, ожидая знака. При воспоминании ее лицо, казалось, смягчилось. – Это был батончик «Херши». Я попытался выхватить его и выбил из рук на сиденье перед нами. Прежде чем мы успели схватить батончик, миссис Бенсон села прямо на него. В тот день было так жарко. Когда она встала... – он

вдруг захихикал, надеясь, что воспоминание передастся матери, но та застыла, уставившись в телевизор. – Когда она встала, шоколад растекся по всему платью сзади, как будто она... – его смех вышел из-под контроля, и он с трудом договорил: – Она... она выглядела так, будто... не сдержалась... – Он уже согнулся пополам, но не отрывал взгляда от матери. Ее лицо озарилось, и улыбка тронула уголки губ, а затем исчезла.

Денни перестал смеяться.

– Мама, ты же помнишь это, правда?

На мгновение он подумал, что она вообще не ответит.

– Конечно, помню, Денни.

И все.

– Мама, я так любил воскресенья. Папа вставал рано и готовил нам блинчики или французские тосты, а потом мы все вместе шли в церковь.

Мать молчала. Денни ждал, пока секунды превращались в минуты, и знал, что на этот раз она не ответит. Он решил рискнуть.

– Мама, ты не скучаешь по тем временам? Потому что мы с тобой могли... – Денни затошнило, он почувствовал, как на глаза навернулись слезы. – Мама, я скучаю по ним, но я скучаю и по тебе. По тому, какой ты была раньше...

Она молчала. Гигантские слезы катились по его лицу.

– ...когда ты была моей мамой, – выдавил он из себя.

Слезинка выкатилась из глаза матери, но она не поверну-

лась к нему. Денни разрыдался, давно сдерживаемое отчаяние хлынуло из него потоком, но мать больше не обронила ни слезинки. Денни никогда еще не чувствовал себя таким одиноким. Он взбежал наверх и бросился на кровать, дрожа от охвативших его чувств. Он мучился из-за смерти отца и брата. Он был одновременно в ярости и горевал из-за матери. Он избегал этого дня с тех пор, как мать начала отдаляться от него все больше и больше. Втайне он надеялся, что все закончится тем, что мать выйдет из траура и крепко прижмет его к себе. Он отчаянно молился об этом, но все же откладывал разговор. Именно сегодня вечером он откладывал его так долго. Из страха, что это будет настоящий конец, когда он останется совсем один, а его мать окажется заперта в мире, частью которого он больше не был. Та часть Дженис О'Брайен, которая была его матерью, тоже погибла в аварии.

«Нет, – сказал он себе, – отец и брат мертвы, но я жив, и мама тоже!» Она была где-то там, погребенная под таким количеством гнева и горя, что не могла найти выход. Денни сел и вытер лицо. Он не мог, не хотел позволить себе попасть в эту ловушку. Ему просто нужно было найти способ достучаться до нее. Это случилось сегодня вечером на подъездной дорожке с отцом Маккарти. Вот и все! Старый священник одним своим появлением вскрыл этот замок, возможно, в этом и был ключ к разгадке. Безнадежность, которую он чувствовал всего несколько мгновений назад, превращалась в опасный оптимизм.

Денни знал, что лучше не рушить новообретенную надежду попыткой снова поговорить с матерью. Он знал, что ему не следует торопиться. Он бродил по комнате, подбрасывая футбольный мяч. В одном из окон жужжал вентилятор, гоня по сырой комнате беспомощный горячий ветер.

Денни плюхнулся за стол и осмотрел мяч, не в силах разглядеть выцветший автограф. Он напомнил ему о лучших временах, о Джимми. Денни положил мяч на пол и медленно покатил его по комнате, не желая думать о тех временах, *не сейчас*.

Вместо этого он открыл верхний ящик и достал дневник. Изложение мыслей на бумаге всегда помогало ему прийти в себя и встряхнуться. Сам процесс записи, представление событий в черно-белом виде помогали ему по-настоящему задуматься о том, что произошло. Иногда такая перспектива даже пугала, когда речь заходила о воспоминаниях, которые причиняли боль, таких как его отец и Джимми. Как его мама. Но в большинстве случаев это помогало ему разобраться в себе. Поэтому Денни все записал.

Он остановился, когда добрался до части о Медведе. Ручка занесена над бумагой, в груди пустота. Его пес должен был свернуться калачиком под ногами Денни, как он делал каждый вечер, когда мальчик сидел за столом. Денни рассеянно наклонялся и гладил его или чесал голову.

Он сглотнул и продолжил писать. Когда он начал записывать историю об отце Маккарти и его столкновении с мате-

рю, легче не стало. Но возник вопрос: что отец Маккарти делал в доме Мясника? Денни решил, что он, должно быть, ошибся домом; он мог представить, как Маккарти собирается поговорить с мамой, но заезжает не на ту подъездную дорожку.

Когда Денни что-то обдумывал, он делал это в форме диалога. Он высказывал идею, и другой голос в его голове – Голос Разума, или Великий Оз, как бы он ни назывался, – отвечал ему. Денни не всегда нравился ответ, но он заставлял его преодолевать трудности. Сегодня вечером ответ, который он получил, напугал его. Разве он не выходил из дома, Денни? Да, кажется, выходил. И мы знаем, что это значит, не так ли?

Денни резко оборвал разговор. Он точно знал, что это значит. Он вернулся к дневнику, закончив свою писанину мыслью обратиться за помощью к отцу Маккарти. Теперь это был лучший разговор, который он мог бы вести со своим духовным наставником. Он начал придумывать, что скажет, и вот тогда долгий день наконец дал о себе знать. Денни опустил голову на скрещенные руки. Всего на минуту, сказал он себе, и тут же уснул.

Он проснулся вялым, сгорбившись над столом. Засыпать, делая записи в дневнике, стало для него обычным делом. Когда Денни не записывал мысли, они, казалось, кружились в голове, мешая заснуть.

Он убрал дневник в ящик и выключил настольную лампу.

Глаза медленно привыкали к темноте. Отсюда ему был виден весь склон холма, дом Женщины-кошки, Мясника, Билли и, конечно же, озеро. Поверхность мерцала в сиянии лунной четвертинки, и лишь изредка рябь нарушала глянцевую поверхность в застоявшемся воздухе. Денни часто так сидел, глядя на озеро; безмятежность вида обычно успокаивала его. Но сегодня вечером все было не так. Спокойствие казалось фасадом. Как будто что-то еще скрывалось от его глаз.

Взгляд Денни переместился за озеро, к силуэту старой больницы. Он никогда не понимал, почему тот выглядит так, словно нависает над водой. Хотя с этим местом было связано немало тревожных историй, оно никогда прежде не казалось таким зловещим.

Денни покачал головой, вспоминая, как в последнее время все его пугало. Подвал, лес, теперь старая заколоченная больница и озеро. Пока он смотрел на гладкую воду, набежавшее облако затмило лунный свет, окрасив озеро в черный. Денни добрался до кровати и уснул без сновидений.

Пол Греймор вытащил еще одну горсть сухих листьев и веток из водостоков дома и на мгновение взглянул на небо. Солнце скрылось за густой дымкой, но жара стояла невыносимая. «Слишком жарко для этого времени года», – подумал он, бросая мусор на землю. Он засунул руки в перчатках в водосточную трубу, и на этот раз то, что он вытащил, перенесло его на забытую тропу детства. Это был старый мячик размером с мизинец, едва узнаваемый после многих лет, проведенных в водостоке. Пол вспомнил, как летом проводил много времени со своим лучшим другом Джо Каммингсом, играя в «крышу». Казалось, это было так давно и с ним произошло столько всего, что он даже засомневался, было ли это воспоминание реальным. Его охватила такая глубокая печаль, что он решил сделать перерыв и начал спускаться с лестницы.

Пол был потрясен, узнав от отца Маккарти, что Джо с семьей переехал в старый дом Барроузов, расположенный совсем рядом, и теперь у него возникла идея. Грусть начала рассеиваться так же быстро, как и пришла, когда он представил себе перспективу навестить старого друга. «Что если он подумает, что я убил всех этих людей? Иначе почему я ничего не слышал за семнадцать лет?» Он стянул перчатки с рук и вытер пот с лица рукавом толстовки. Если повезет,

через несколько недель дом станет пригодным для жилья. А что потом?

Звук двигателя приближающейся машины привлек его внимание, и сердце екнуло, когда на подъездную дорожку въехала полицейская машина.

Несмотря на изнуряющую жару, Пол почувствовал, как по телу пробежал холодок, когда из машины вышел Коди Кроуфорд. Здоровяк медленно пошел по двору, и Пол двинулся ему навстречу, удивляясь, что так быстро узнал его, ведь годы не пощадили Кроуфорда. Когда он давал показания против Пола на суде, сидя на трибуне, то выглядел словно высеченным из гранита. Он был высоким и широкоплечим, но теперь его мускулы прятались под слоями жира, а вперед выдавался огромный живот.

Когда Кроуфорд приблизился, Пол заметил глубокие морщины на его лице и кровеносные сосуды на носу, которые напоминали фейерверки. Глаза его были скрыты за зеркальными очками.

– Так ты и впрямь вернулся, – сказал Кроуфорд. – Я и не думал, что ты когда-нибудь выберешься оттуда.

Красные вспышки гнева замелькали перед глазами Пола, но он сдержался.

– Хорошо, спасибо. Как дела, офицер Кроуфорд? Я вас ждал.

Кровь прилила к лицу Кроуфорда.

– Теперь я – начальник отдела полиции Кроуфорд.

– Поздравляю. Новости до меня не дошли, – солгал Пол.

Кроуфорд прислонился к переднему крылу патрульной машины и вытащил из кармана сигару. Он зажал ее между желтыми зубами и чиркнул спичкой о ремень, чтобы прикурить. Его движения были медленными и размеренными. Он явно пытался действовать Полу на нервы. Наконец он глубоко затянулся сигарой.

– Жарковато для толстовки, да, Греймор? Но, держу пари, ты за эти годы бывал в местах и погорячее, а?

Гнев нарастал, но Пол отказывался поддаваться на уловки этого человека. Он невольно полез в карманы за сигаретами, которых там не оказалось. Кроуфорд вскочил, его рука потянулась к кобуре. Машина подпрыгнула на рессорах от внезапного облегчения. Пол опустил руку. Почувствовав, что контролирует ситуацию, он сказал:

– Вы выглядите немного нервным, Кроуфорд, вас что-то беспокоит?

Тот сорвал солнцезащитные очки и вытащил сигару изо рта.

– Черт возьми, меня и впрямь что-то беспокоит, урод! – крикнул он в лицо Полу. – Дерьмо, которое, как мне казалось, я вычистил из этого города, хлынуло обратно, и я не собираюсь ждать, пока убьют еще больше детей, прежде чем снова его очищу! Я не хочу, чтобы ты находился в моем городе, как и все, кроме твоего проклятого друга-проповедника! – Дыхание Кроуфорда воняло сигарным дымом и пере-

гаром от виски, а лицо стало багровым, на лбу запульсировали вены.

Урод. Это слово разжигало гнев Пола. Он наклонился ближе к Кроуфорду, встретившись с ним взглядом.

– Я не убивал этих детей. Ты знал это семнадцать лет назад, но все равно повесил на меня. Может, за эти годы ты даже убедил себя в этом, но я их не убивал.

Урод. Это слово эхом отозвалось в голове. Он отступил назад и стянул толстовку. Толстые ленты мышц на руках и груди перекатывались под пропитанной потом кожей. Сама кожа выглядела как отвратительная карта шрамов, зеркально отражавшая шрамы на его лице.

– Вот все, что мне нужно скрывать, Кроуфорд. Видишь этот, – он указал на длинный шрам, пересекающий левое плечо, – он за то, что я не отдал последнюю сигарету одному из смотрящих. А тот на животе – за то, что я ни перед кем не встал на колени. А эта красotka на груди – от одного из охранников, потому что я не назвал его «сэр»! Но мои руки, Кроуфорд, – это моя позорная метка. Посмотри на них, ублюдок!

Шрамы на руках Пола были не случайным следом от небрежного взмаха ножом, но настоящей резьбой. В худшую ночь в жизни, в ночь, которая заставила его задуматься, стоит ли вообще жить, другие заключенные оставили на нем клеймо. На одной руке было небрежно вырезано слово «извращенец». Мерзкие шрамы на другой руке сложились в сло-

во «урод».

– Я провел семнадцать лет в аду, и всё благодаря тебе. Это мои тайны, мое прошлое. А ты, Кроуфорд? Какие шрамы ты скрываешь за значком и пистолетом? Что ты переживаешь темными ночами, когда сон не приходит и не спасает от мыслей? Ты думаешь лишить меня жизни? – Пол снова надел толстовку. – Там я испытал такое, чего никогда не забуду, как бы ни старался. Но теперь я дома. Не смей называть этот город своим, Кроуфорд, это унижает весь Хэвен.

Кроуфорд сглотнул и затянулся сигарой. Не в силах встретиться взглядом с Полом, он сложил солнцезащитные очки и зацепил их за передний карман.

– Мой сын рассказал мне вот что...

– Твой сын – засранец, Кроуфорд, как и ты. – Пол полез в карман и вытащил нож, которым когда-то владел Кроуфорд-младший. – Я же говорил, что ждал тебя.

Кроуфорд снова потянулся к кобуре и на этот раз выхватил оружие. Он направил пистолет Полу в грудь.

– Ты мне угрожаешь, Греймор? Мы можем покончить с этим здесь и сейчас.

Пол холодно улыбнулся.

– Тебе бы это понравилось, Кроуфорд? Можно сказать, что я направил на тебя нож, а ты выстрелил в целях самообороны. Еще одна ложь, учитывая, с чем ты уже научился жить.

На несколько мгновений Пол подумал, что полицейский

действительно собирается выстрелить. Кроуфорд еще долго наставлял на него пистолет, а затем наконец сунул его в кобуру. Схватил нож и положил в карман.

— Когда отдашь это своему парню, передай ему сообщение. Если он еще раз полезет с этой штукой к моему лицу, я скормлю ее ему.

Кроуфорд прищурился, и его лицо покраснело сильнее. Он снова надел солнцезащитные очки и зажал сигару в зубах.

— Я буду следить за тобой, Греймор.

— Ты можешь следить сколько хочешь, Кроуфорд, но не на моей территории. А теперь убирайся к черту с моей земли и не возвращайся без ордера.

Кроуфорд несколько мгновений пялился на него из-под солнцезащитных очков, а затем сплюнул и повернулся к машине.

Пол посмотрел, как он уезжает, а затем медленно пошел к озеру. В детстве он всегда приходил сюда подумать. Он сел на камень у кромки воды и посмотрел на озеро. Двое детей ловили рыбу со старой гребной лодки. Их смех разносился над водой, вызвав у Пола воспоминание о том, как он и его единственный настоящий друг рыбачили на озере миллион лет назад. Или так ему казалось. Все, что случилось в прошлом и с момента возвращения в Хэвен, крутилось у него в голове. У него отняли так много, и теперь Кроуфорд собирался продолжить. Греймор не мог этого допустить. Он хотел вернуть свою жизнь. Он решил навестить Джо Кам-

МИНГСа.

Каное лениво дрейфовало по середине озера, пока Тони ДеМарси то засыпал, то просыпался. Само озеро было неподвижно, как и влажный воздух над ним. «Слишком хороший день, чтобы тратить его на занятия, особенно в пятницу», — еще раньше решил Тони. Небо над ним было туманно-голубым, солнце казалось мерцающим огненным шаром, затянутым дымкой. Тони натянул кепку «Ред Сокс» на глаза и снова задремал.

Семья Тони в прошлом году переехала из Хэвена в более привлекательный город Бристоль. Тони боролся с переездом всеми силами: ныл, как он будет скучать по друзьям, как тяжело будет сменить школу. Не то чтобы его оценки могли сильно ухудшиться, но он все же попытался, однако проиграл. Поэтому, проснувшись этим весенним утром, он решил прогулять школу и навестить друзей в Хэвене. Видит бог, сегодня их не будет на занятиях.

На поиски попутки ушло больше времени, чем он ожидал, и он приехал в Хэвен уже после последнего школьного звонка. Он поискал Дейла Кроуфорда и остальных ребят рядом с кафе «У Тедди», но их уже не было. Тони решил, что парни уже потратили все разрешенные отгулы и не могли пропустить очередной день, иначе им придется ехать в летнюю школу. У Тони оставался еще один день, и он был именно

сегодня.

«Невелика потеря, – подумал он, – не придется делить два косяка, которые заныканы в сигаретной пачке».

Вот так Тони и провел свой последний день на Земле, плавая по озеру с двумя косяками травы. Мысль о том, что он может остаться здесь на этом каноэ навсегда, начинала казаться вполне разумной.

Тони помнил, что последний раз был на озере несколько лет назад. Они с отцом рыбачили на старой гребной лодке. Он улыбнулся, когда тот день всплыл в памяти и прояснился. Они с отцом постоянно чем-то занимались вместе, пока Тони не стал тусоваться с «неправильной компанией».

Он начал подтягивать леску, но внезапно она натянулась. Сначала он подумал, что леска намоталась на ветку дерева, но, вытащив ее, обнаружил, что зацепил ржавое старое боковое зеркало. «Как это могло оказаться посреди озера, папа?» – спросил он со всей невинностью и любопытством, свойственными девятилетним мальчикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.